

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Крестьянская тема в литературе XVI века

В истории литературы великорусской народности время с конца XV до второго десятилетия XVII века было весьма важным этапом.

С конца XV века энергично развивается литература, посвященная обсуждению широкого круга общественно-политических вопросов, которые вставали перед создателями могущественного централизованного государства.

Литература, вовлеченная в обсуждение этих вопросов, становится сильным оружием в борьбе за торжество нового государственного порядка, когда она решает вопросы, связанные с этими темами, в направлении, способствовавшем укреплению централизованного государства: поддерживает дворянство как классовую основу самодержавия, стремится ликвидировать остатки порядков, сохранившихся от времени феодальной раздробленности, и оттеснить боярство с его претензиями на особую роль в государственном управлении.

Движущими силами литературного развития в период с 1490-х годов до конца второго десятилетия XVII века (т. е. до окончательной победы дворянского государства и начала процесса формирования нации) были внутриклассовая борьба между двумя основными группами феодалов-земельщиков за землю и крестьянский труд, в конечном итоге приводившая к закреплению крестьян, и антифеодальное движение трудового народа, особенно крестьянства, отвечавшего этим движением на политику закрепощения.

Публицистичность характеризует самые разнообразные литературные произведения конца XV—начала XVII века, от специальных публицистических памфлетов и рассуждений до легендарно-повествовательных произведений и обширных исторических, ярко тенденциозных сочинений. В разгаре общественно-политической борьбы начала XVII века эта литература становится открыто агитационной.

Дворянство играло в процессе укрепления централизованного государства прогрессивную роль и литература его выходит на ведущее место.

Идеология трудового народа не нашла еще в данный период своего более или менее полного выражения в литературе, продолжавшей находиться в руках представителей господствующего класса. Народная оценка истории сосредоточена еще в произведениях устной поэзии, и лишь в разработке героико-патриотической темы (походы Ивана IV на Казань и оборона Пскова, борьба против польско-шведской интервенции) можно ощутить народные представления о защите Родины,

народную оценку интервентов и их русских пособников. С другой стороны, ряд авторов-публицистов XVI и начала XVII века дает хотя и далеко неполное изображение тяжелого положения трудового народа, его угнетения и отдельных проявлений протеста против закрепощения. В этой литературе широко обсуждаются вопросы социального порядка — о роли в жизни государства разных социальных групп, об их взаимоотношениях. Ожесточенная борьба между разными слоями феодального класса за рабочие руки впервые выдвинула в литературе этого периода, по преимуществу публицистической, тему „селянина“, „ратая“ в его мирном, а не воинском труде.

Еще в начале своего пути русская литература напоминала читателям о „ратаях“, но напоминала о нем, призывая защитить его мирный труд от нападений внешнего врага. Так, Владимир Мономах изображал на княжеском съезде крестьянина, которого с поля вместе с семьей уводят в плен половцы; „Слово о полку Игореве“ взывало к сочувствию крестьянину, на пашне которого во время войн только „вороны грают“. В обоих случаях причиной бедствий крестьянина оказываются войны со степными кочевниками или княжеские междоусобные войны.

Вопрос о взаимоотношениях землевладельцев и крестьян в литературе XI—XIII веков рассматривался лишь в одном плане: феодалы обосновывали свое исключительное право собственности на землю, пропагандируя идею патроната, изображая наделение крестьян землей как акт „милости“, „защиты“ „малых“, „сирот“ от „насильств сильных“.¹ Литература XVI века впервые заговорила о том, к чему привели „селянина“ эти „милости“. Рисуя тяжелое положение владельческих крестьян, ряд публицистов прямо называл и причину его — угнетение крестьян землевладельцами и государством.

Эту тему выдвинули борьба за крестьянский труд и землю, которая шла между двумя группами феодалов, и закрепощение, которого добились обе группы, чтобы удержать рабочие руки на своей земле. Господствующий класс был един в своем отношении к необходимости закрепощения и крестьян, и тяглого населения посадов. И каковы бы ни были оттенки в освещении крестьянского вопроса в литературе XVI—начала XVII века, созданной представителями господствующего класса, они сходились в основном: в своей резко отрицательной оценке антифеодального движения во всех его формах, в своем твердом убеждении, что „селянин“ должен кормить своих владельцев, но также и в признании, что крестьянство при этом находится в тяжелом положении.

Публицистика XVI века постоянно возвращается к теме крестьянского труда, противопоставляя свою точку зрения социально-утопическим воззрениям идеологов крестьянства — Матвея Башкина, Феодосия Косого и их последователей, сурово осуждая открытые формы социального протеста — народные восстания. Их учению о равенстве — имущественном и социальном — в публицистике господствующего класса противостоит представление о неизбежности существующего социального строя.

Еще в начале XVI века представления господствующего класса о социальной структуре феодального общества, какой она должна быть, были ярко выражены в „Слове кратком“ в защиту монастырских имуществ (1505 год). Это „Слово“ составлено в форме послания к „свя-

¹ См. об этом выше статью Д. С. Лихачева „Некоторые вопросы идеологии феодалов XI—XIII веков“.

тейшему и разумнейшему о Христе отцу духовнейшему господину“ (видимо, Геннадию новгородскому) и начинается панегириком адресату. Общество, по мнению автора, состоит из трех слоев: светские власти, церковь и „селяне“. „Началници“ управляют своими „подвластными“, церковь молится за начальников, а те защищают ее и ее владения, „селянин же тружиться и питати обоих“ должен. Все, кто нарушают такие взаимоотношения, — „злые и лукавые человеки“.¹ Этот идеал не имел всеобщего признания, но по существу недалек от такого убеждения в назначении трудового народа и дворянский публицист Ермолай-Еразм, хотя он и пытается предлагать меры для смягчения „тягот“ крестьянской жизни. Во главе общества — царь и помещики. Крестьяне — „ратаеве“ — это те, „от трудов“ которых питаются все.² Литературное изображение „рабочного ига“, „ратаев“ и государства, погибающего от „корчемниц“ и „пьянства“, составляет литературный элемент этого делового, по сути, памятника.

Наиболее полной формой зависимости в XVI веке было кабальное холопство. Вопрос о холопах освещали в середине XVI века с разных классовых позиций. Феодосий Косой, с его идеями равенства, основанными на первобытном христианском коммунизме, отвергал всякие вообще формы зависимости.³ Матвей Башкин настаивал на полном уничтожении холопства („Христос всех братию нарицает“). Дворянский публицист Пересветов показывал выгоды свободного труда сравнительно с холопским, имея в виду прежде всего труд воина. Зиновий Отенский в двух своих сочинениях — „Истины показание к вопросившим о новом учении“ и „Послание многословное черноризца к вопросившим о известии благочестия на зломудрие Косого и иже с ними“ — дал резкий отпор „ереси“ Феодосия Косого, выступив с яркой апологией полного рабства, т. е. в условиях XVI века именно холопства. Разъясняя разницу между трудом свободным и „рабским“, Зиновий Отенский рисует невольную страшную картину бесправия „рабов“: „Нестъ же убо едино работы свободнаго и работа рабья. Ино раб и ино наемник. Наемник свободен есть ему же хочет, работает по найму, и иже кто хочет, наемлет его. Раб же не может работати, ему же хочет, ниже кто хочет, наемлет его работати себе, понеже раб имать господина, и раб есть своему господину, а не всем есть раб. И елико аще поработает господину своему, мзды не имать и найма

¹ „Царьско бо и началническое и прочих господ мира дело быти достойно есть праведнаа повелевати, а неподобнаа възбраняти. Сего ради всяка власть устроена есть богомъ, да зли и лукавици человеци от злыхъ действъ въздержани будут, блази же посреди злыхъ покойне и мирне да поживут, без неправд и невердимъ. Того ради царие и началници в мире семь уставленици суть, да суд, правду и управление подвластникомъ творять... Пастырь же церковный за господина своего временнаго молитися долженъ есть, господин же пастыря своего с вещми церковными защищати долженъ есть. Селянин же тружатися и питати обоих, толико господина своего временнаго, елико пастыря души своеа, долженъ есть. Сего ради мирьстини господа власть от бога приемлют, да на хулящихъ имя божие и враждующихъ пастыремъ и грабящихъ церковнаа достойную казнь будут налагати без милосердия“ (Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым, XXI: „Слово кратко“ в защиту монастырскихъ имуществ. С предисловием А. Д. Григорьева. М., 1901, стр. 43).

² „Велможа бо суть потребни, но ни от коихъ же своихъ трудовъ довольствующеса. В начале же всего потребни суть ратаеве: от ихъ бо трудовъ ест хлебъ, от сего же всехъ благихъ главизна: богови в службу бескровная жертва хлебъ приносится и в тело Христово претворяется, потомъ же и вся земля от царя и до простыхъ людей техъ труды питаема“ („Благохотящимъ царемъ правительница и землемерие“, см.: В. Ф. Ржигала. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. Л., 1926, стр. 193).

³ См.: Р. Г. Лапшина. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI века. Труды ОДРА, т. IX, 1953, стр. 235—250.

не вземлет. Егда бо не восхошет творити работы господина своего, томление и раны приемлет раб. И посему раб не имать свое ничто же, но вся, яже имать у себе, господина его суть, и самую срачицу, и вся купно, яже раб притяжает отъюду же, аще же будет, господину своему, а не себе притяжает“.¹

Но это изображение человека, у которого нет даже сорочки, который, что бы ни заработал, всё должен отдать господину, делается не в осуждение подобных форм зависимости человека, а для того, чтобы подтвердить закономерность ее, чтобы напомнить о необходимости держать в повиновении рабов, которые пытаются вырваться на свободу: „Писание наказует величество злости рабия, от нея же земля трясется, внегда рабу во свободе быти“.²

Защитники существующего социального строя, дворянские и боярские публицисты, одинаково опасались мятежа — открытых выступлений закрепощаемого крестьянства и „рабов“-холопов против самых основ этого строя, рекомендуя суровые меры для подавления таких выступлений. И когда „Беседа Валаамская“ библейской фразеологией пророческих книг предсказывает „междуусобные брани и войны“, „смятения во царствах велики и ужаси“, изображает, как „никим гоними волости села пустеют, дома христианские, люди начнут всяко убывати“, то за этим описанием ощущается тот же, что и у других публицистов из среды господствующего класса этого времени, страх перед народным мятежом, вызванным „мирскими слезами“.³

Та же идея необходимости любыми, даже самыми жестокими мерами охранять привилегии землевладельцев-крепостников от нарушений со стороны социальных низов лежит, по убедительному предположению Л. В. Черепнина,⁴ в основе повести о Дракуле. Л. В. Черепнин полагает, что эта повесть была составлена по заданию московского правительства в период работы над Судебником 1497 года, для пропаганды идеи „законности“ и задач феодального суда. Самодержавный, грозный, но справедливый царь имеет право на жестокий суд над подрывающими основы государства, особенно над нарушителями прав феодальной собственности. Повесть о Дракуле „отразила настроения тех бояр, которые были связаны с московским центром и поддерживали Ивана III в его борьбе с боярством удельных княжеств“.⁵ Но вместе с тем эта повесть поднимала и такой вопрос, на котором сходились представители борющихся за власть групп господствующего класса, — вопрос об охране привилегий землевладельцев-крепостников от нарушений со стороны социальных низов.

Основная мысль повести о Дракуле — справедливость и борьба с беззаконием допускают применение жестоких мер. Эту идею Л. В. Черепнин сопоставляет с темой „Сказания о Магмет Салтане“ Пересветова. Перенесение места действия в чужую страну в обоих произведениях — литературный прием, позволяющий свободнее развивать основную идею. Как и Судебник 1497 года, „правда“ повести о Дракуле — система правовых норм, защищающих основы феодального порядка.

¹ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 30.

² Там же, стр. 25.

³ Текст „Беседы Валаамской“ здесь и далее цитируется по изданию А. В. Маркова: Московские Высшие женские курсы. Семинарий по древнерусской литературе. Беседа преподобных Сергия и Германа валаамских чудотворцев. Сергиев Посад, (без года), стр. 1—11.

⁴ Л. В. Черепнин. Феодальные архивы, т. 2. М.—Л., 1951, стр. 310—313.

⁵ Там же, стр. 313.

Но крестьянская тема в литературе XVI века разрабатывается не только в плане защиты феодальных прав: именно сторонники принципа закрепощения оставили литературные изображения тяжести крестьянского труда в условиях этого закрепощения. Каковы бы ни были классовые мотивы, по которым и дворянские и боярские публицисты не жалели мрачных красок для описания „мирских слез“ во владениях светских и духовных феодалов, объективно эти описания впервые в русской литературе с такой беспощадностью раскрыли ужасающие формы эксплуатации крестьянства. Некоторые писатели, изображая „насильства“ землевладельцев или тяжесть государственных повинностей, предлагали частичные реформы, не затрагивая, однако, самого существа крепостнических порядков. Мнимая защита и проекты этих реформ диктовались прежде всего желанием предотвратить переход „скорбных волнений“ в открытые восстания. Сопоставив эти описания „тягот“ крестьянской жизни, сделанные по разным побуждениям, получаем вполне отчетливое представление о том, почему крестьянство именно в это время выдвинуло такого идеолога, как Феодосий Косой, и играло такую важную роль в антифеодальном движении в конце XVI века.

Нельзя не обратить внимания на то, что самые выразительные картины крестьянского угнетения, созданные публицистами XVI века, воспроизводят по преимуществу обстановку монастырских сел, в которых „трудники“ — „бедные поселяне“, по выражению Максима Грека, — несли повинности „внутри и вне монастыря“, были обременены и барщиной, и работой на оброк со своего маленького хозяйства. Такое сосредоточение внимания на положении именно этой группы крестьян объясняется непосредственной задачей тех произведений, в которых содержатся эти красочные описания быта монастырских „трудников“, — доказать, что монастырям не надлежит владеть селами. И лишь дворянский публицист Ермолай-Еразм на протяжении всего произведения говорит о „ратаях“ вообще, критикуя самую систему обложения их повинностями и в пользу владельца, и в государственную казну.

Документы, как мы увидим, свидетельствуют о том, что в период закрепощения и вотчинные хозяйства, державшиеся преимущественно на барщине, и поместные, выжимавшие оброк из своих крестьян, были равно ненавистны земледельцам, поэтому крестьянская война под руководством Болотникова всколыхнула все слои крестьянства.

Первые правдивые зарисовки крестьянского быта в монастырских селах оставили „нестяжатели“, с точки зрения интересов вотчинного боярства отвергавшие самое право монастырей владеть селами с крестьянами.

Уже Нил Сорский, возражая против накопления в монастырях богатств, несомненно имел в виду земельные владения, когда писал: „Стяжания же, иже по насилию от чужих трудов събираема, вносити отнюд есть нам на ползу“.¹

Вассиан Косой, характеризуя „несытость“ и „сребролюбие“ монахов, так изображает хозяйствование монахов на дарованных им землях: „Господь повелевает: и даждь я нищим. Мы же единаче, сребролюбием и несытостью побеждени, живущая братиа наша убогиа в селех наших различными образы оскрбляем их, и леть на леть и лихву на лихву на их налагающе, милость же нигде же к ним показующе, их же, егда не возмогут отдати лихвы, от имений их обнажахом без милости

¹ М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского предание и устав. Памятники древней письменности и искусства, вып. CLXXIX, 1912, стр. 6.

коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детми далече от своих предел, аки скверных, отгнахом; неких же и княжеской власти предаваше, истреблению конечному положихом. Обидим и грабим, продаваем христиан, братий наших, и бичем их истязуем без милости, аки звери дивии на телеса их наскакающе.

Господь рече: продаждь своя и даждь я нищим. Мы же от многаго безумиа, паче же безчеловечиа имениа нищих лихоиманием емлюще, в прях и угождениах изнуряем я¹.

Максим Грек, обличая ростовщичество, „лихоимание“, „резоимство“, особо подчеркивает разорение „поселян“: „Кровьми бедне живущих питаешися... аки некий кровопийца зверь, донелиже веселишися губительным лихвам и от сухих костей тщишися ссати мозги яко же и род псов и вранов. Твоими труды, о несмысленая, повеленна еси убогия питати, а не иных крови испивати лихвами, и служити иным, а не владеи над иными... Ты же, о треокаянне не устрашаеши ли ся, лихвами губительными безпрестани томящи бедных поселяны“².

Максим Грек гневно называет монаха трутнем — „кифином“, „чюжих трудов наполняющи всегда чрево свое“, предлагая ему уподобиться пчеле „премудрой“, „своих праведных (трудов) всегда насыщаая“ (34). Расправу монастырских властей с должниками Максим Грек изображает красочно: „Без милости, увы, бичи их истязуют за лютых сребра резоиманий, отдати же неимущих или свободы лишили их и рабы себе прочее писаша их; или, обнаживше их имений их, руками тощими, своих предел отгнаша бедных“ (38). Получив имения, монастырь „не прилежит к тому селяном, аки своим удом, по заповеди господни, но аки раби куплени частыми уморяет тягостьми трудов всяческих, и аще негде прегрешат, абие оковы железными озлобил ест ноги их, люте яряся, властью же разгордевся“ (38). Здесь же Максим Грек обличает монастыри, которые в ожидании голодного года, копят „стоги житныя превелики и часты“, „окаянныя“, чтобы „дорого продатися“ (44).

К теме разорения „лихвами“ „селян“ Максим Грек снова возвращается в „стязании любостязательного да нестяжательного“. „Дерзаем мы на бедных селянех, лихоимствующе их тяжчайшими росты и расхищающе их, не могущих отдати заемое, и наипаче тружającychся безпрестани и стражущих в селех наших и во всех наших потребах и внутрь и вне монастыря“. Максим Грек предлагает не взимать долгов с неимущих, да еще с „лихвой“, а удовольствоваться тем, что „в непрестанных потех и трудах“ „убогий“ отдает монастырю-владельцу, „их же терпит в зиме и лете во твоих работах. Ныне же истязуеши с силою и расхищаеши худая его стяжаница и его самого, оле безчеловечиа! или изгонишь вкупе с женою и детми далече от сел твоих руками тощими, или поработиши его вечным порабождением“ (94, 95, 99, 100).

В „Главах поучительных начальствующим правоверно“ Максим Грек называет монастырских крестьян „бедные подручники“ и снова напоминает, что не следует „обидети и лихоимствовати“ их „и в судища влачити их и враждебне их ратовати и озлобляти различне“ (8, 161).

В „Слове 20-м“ Максим Грек от имени Христа снова обличает „приношения“, которые даются церкви „от неправедных и богомерских

¹ Слово ответно противу клеветующих истину евангельскую и о иноческом житии и устроении церковнем. Православный собеседник, 1863, кн. 3, стр. 12.

² Сочинения Максима Грека, т. II. Казань, 1860, Слово 1, стр. 31, 32. В дальнейшем в скобках указаны страницы данного издания.

лихв, лихоимания же и хищения чужих имений“, которые „смешана слезами сирот и вдовиц умиленных и кровми убогих“; „вы же убогие и сироты и вдовицы... безщадно и безмилостивно расхищаете, обидите и убиваете всяким образом богомерскаго лихоимства... обидите их и грабите несытно... не подаваете им, лютые мучимым голодом и мразом и всяким озлоблением“ (262, 267, 268).

Настойчивые напоминания Максима Грека о монастырском „лихоимании“ имели несомненно опору в практике монастырей, владевших землями. Именно потому Стоглав счел нужным посвятить ему особый раздел — „Ответ о святительских и о монастырских денгах без росту и о хлебе без наспу. Глава 76“. Стоглавый собор постановил „святителем и всем монастырем денги давати по своим селом своим христианом без росту и хлеб без наспу того для, чтобы за ними христиане жили и села бы их были не пусты“.¹

Максим Грек с полной откровенностью пишет и о тяжелой жизни крестьян, и о невозможности осуществить им свое, даже очень ограниченное законом, право на переход к другому землевладельцу. Крестьяне, пишет Максим Грек, „во скудости и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядуще, многажды же и без соли от последняя нищеты“. И вот крестьянин, „изнемог тягостию налагаемых им беспрестани от нас трудов же и деланий, восхоцет инде негде переселитися; не отпускаем его, увы, аще не положит уставленный оброк, о нем же толика лета жил есть в нашем селе“ (131, 132).

И в этих своих упреках Максим Грек не отступал от жизненной правды. Даже в том резко ограниченном виде, в каком законодательство с 1497 года предусматривало право крестьян на выход (подтвержденное Судебником 1550 года), фактически выход был чрезвычайно затруднен. Вынужденный до конца расплатиться с прежним владельцем, крестьянин не мог выпутаться из долгов, а если это ему и удавалось, бывший владелец прибегал к „насильствам“. „Дети боярские“, по словам челобитной крестьян, сохранившейся в составе царской грамоты от 5 сентября 1555 года, своих крестьян, желающих уйти в черные деревни, „бьют и в железа куют, а крестьян деи из-за себя не выпускают, да поймав деи их мучат и грабят и в железа куют, и пожилое деи на них емлют не по Судебнику“, т. е. произвольно налагают это „пожилое“.²

Другой „нестяжатель“, автор „Беседы Валаамской“, также резкий противник монастырского землевладения, среди других доводов, доказывающих несовместимость монашеского обета с жизнью за счет труда других, постоянно возвращается к мотиву „мирских слез“, ценой которых обеспечивается не только сытое, но и „в пьянстве“ существование „иноков“. Эти иноки, владеющие селами, „труды своими питатися не хотят, накупаются на мирские слезы“, „мирскими слезами кормитися“, „мир слезити“ хотят; он ставит в пример подвижников, которые „на христианские слезы“ не „накупалися“. Инокам следует „сытим быти самим своими праведными трудами, а не волости со христианы, ниже их питати мирскими слезами и въздыханиями“. Если бы этот автор и не сказал больше ничего о жизни монастырских „трудников“ — крестьян, и то обобщенный образ „мирских слез“ дал бы исчерпывающее представление об их положении. Но „Беседа Валаамская“ раскрывает — и всегда в осудительных выражениях — способы, которыми монастыри

¹ Царския вопросы и соборныя ответы о многообразных церковных чинех (Стоглав). М., 1890, стр. 339.

² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949, стр. 43.

„слезили“ своих крестьян: „немилосердства“, „свиристства“, „зависти ради лишаем бельцов от брашна своего лучшего“, „покоим себе пьянством и брашном, от тружающихся нам и от мирян вся лучшая именуем брацкую пищу и питье себе, а не тружающимся на нас“, „под собою имеем волости со христианы и над ними властвуем, немилосердство и злобу показуем и всякую неправду“, „на нас, иноков, по вся дни тружаются без выбору и нас, иноков, питают своими вольными и невольными трудами... а мы, окаянии, по диаволу научению таких богоизбранных лишаем брашна своего, аки неверных иноземцев и прочих поганных“, „насильством и лжами“ отнимаем у них, „мир избижати“ привыкли. Когда автор взывает: „не бити, ниже мучити и грабления не творити, жен и девиц не сквернити“, — за этим предостережением стоит реальная картина отношения монастырей к своим „трудникам“. Вот почему автор называет таких иноков „не богомольцы, но гневители“, „не богомольцы, но иконоборцы“.¹

Тяжело отозвался на положении крестьян — и чернососных, и владельческих — перебор земель после учреждения опричнины. Опричники отнимали у крестьян их земли — „отмежевал в опришнину и ему [опричнику] тогда была воля: что хотел, то писал и отписал у нас тогда луг... лесу-бору“.² Новые помещики свозили крестьян на жалованные земли, причем действовали „силою“: при попытках прежних владельцев вернуть своих крестьян происходили столкновения. Так, в 1571 году новый владелец „с многими людьми“ этих возвращаемых крестьян „выбили и повезли их к себе в волость со всеми животы, без откату и без пошлыны, силою“.³

Современники хозяйничанья новых помещиков на земле говорят о резком увеличении крестьянских повинностей в этих „опришных“ поместьях, о том, что у крестьян начали „истязовати множайшая дани паче прежних“.⁴

Челобитная жалоба крестьян царю описывает порядки, которые установились после передачи в 1578 году барской грамотой ряда чернососных деревень севера Антониево-Сийскому монастырю: „Учали с них имати насильством дань и оброк встрою“, ввели барщину, в дополнение к оброку — „пахали землю и косили сено на монастырь“; игумен и братия, сверх того, „от тех вотчин [крестьянских] поотнимали лутчие пашенные земли и сенные покосы и привели к своим монастырским землям“, „у иных крестьян они, старцы, деревни поотнимали с хлебом и з сеном, и двory ломали и развозили, а из их деревень крестьяне от тово игуменова насильства, з женами и з детьми из дворов бегали“.⁵

Выступая уже в 1560-е годы против „нестяжателей“, Зиновий Отенский дал выразительный портрет монаха-„трудника“ из монастыря, владеющего селами, умолчав, впрочем, что ничуть не меньше и не в лучших условиях трудились на монастырь и крестьяне. Если из этого портрета изъять „власы разтрошены“ как признак монашеского звания, то в остальном он вполне подойдет к тем монастырским „поселянам“, которых, по выражению автора „Беседы Валаамской“, „слезили“ „богомольцы-иноки“: „...видех мнихов... имеющих руде оклячевших

¹ См.: А. В. Марков, ук соч., стр. 6, 7, 9—11.

² И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 44.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Ф. Калугин. Зиновий иннок Отенский. Казань, 1894, приложение, стр. 20.

⁵ Н. С. Чаев. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониево-Сийского монастыря в XVII в. Исторический архив, т. 1, 1936, стр. 45.

ради страдания многа, и кожу на них, аки волюю и разседающуюся, и лица их опусневша и власи их разтрошены, без милости же от истязующих дани повлачими и нещадно биени жестоце, аки от иноплеменник истязуеми, нози же и руце посиневших и опухших, ови убо храмлюще, овии же и валяющиеся; именованием же своим только могущим яко и просителем нищим паче изобилувати их, овем бо сребьницъ пять или шесть имеющим, овем же три или две, множайшим же в них редце обретати у себе и едину медницу; брашно же в них обретаемо хлеб невян или класы ржаные толчены, и таковая хлебы сухи без соли; питье же воду, и варение имеющих капустное листвие; преиемеущии же в них аще зелие имеют свеклу и репу; овощи же им, егда обретаются, рябина и калина; о одежи же что и глаголати? искропаны и вошми посыпаны“.¹

Зиновий Отенский, резко отрицательно относившийся к опричнине, возможно именно по этой причине сурово обличал помещиков, которые своим корыстолюбием, злоупотреблениями властью довели крестьян до обнищания, полного разорения. Эти части его трактата, прямой целью которого было обличение „ереси“, представляют интерес как образцы публицистически заостренных реалистических зарисовок крестьянского быта.

От эмоциональных оценок „обид“ „ратаям“ не отказывается и дворянский публицист Ермолай-Еразм в его сугубо деловитом, предлагающем практические мероприятия на пользу помещным землевладельцам, трактате „Благохотящим царем правительница и землемерие“. Повинности крестьян он называет „ярмо тяготы“, „работные ига“, „обида“, „мучение“, „мзды неправедныя“; этими „тяготами“ „ратай“ „слезен и мучен в недостатках“, „муками томим“; ратаи „всегда в волнениях скорбных пребывающа“, „многу скорбь“ принимают. Итак, опять „слезы“, „мучения“ как определения положения крестьянина.²

Эпизоды публицистических произведений XVI века, посвященные описанию „тягот“ крестьянского быта, обращают на себя внимание определенной, у всех писателей, независимо от их общественно-политических позиций, одинаковой тональностью. Со страхом и резким осуждением говоря о возможности мятежей, все они самой лексикой своих описаний передают сочувственное отношение к тому, что так удачно выразил автор „Беседы Валаамской“ одним обобщенным образом, — к „мирским слезам“. Эта лексика показывает, что и с точки зрения публицистов „мирские слезы“ были вызваны действительно невыносимым положением закрепощаемого крестьянства. Разумеется, этим писателям XVI века не представлялось возможным никакое решительное переустройство взаимоотношений крестьян и землевладельцев: вызывая к сочувствию, они могли иметь в виду лишь некоторое смягчение „злоупотреблений“, но — в рамках того законодательства, которое в интересах господствующего класса должно было всё последовательнее закрепощать зависимые слои населения.

Нельзя не заметить, что в описаниях крестьянской жизни у публицистов XVI века совсем нет нейтральных слов — и действия землевладельцев, и состояние крестьян определяются глубоко эмоциональными словами, имеющими ясный оценочный смысл. Некоторые из этих слов становятся как бы постоянными, своего рода терминами, характеризующими отношение землевладельцев — равно светских и духовных —

¹ Инок Зиновий Отенский. Истины показание. Казань, 1863, стр. 896.

² В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 192.

к „тружающимся“ на них крестьянам. Таковы прежде всего слова: мучити, обидети, грабити, истязати, изнуряти, отнимати, отгнати, обнажати, оскорбляти, томити, слезити, расхищати, озлобити и др. Иногда публицист выражается еще более эмоционально: „крови испивати“, „кровми бедне живущих питатися“, „мирскими слезами кормитися“, „питати мирскими слезами и въздыханием“. Поведение землевладельца дополнительно определяется осудительными характеристиками его эгоистических настроений: несытость, сребролюбие, безчеловечие, немилосердство (еще чаще — „без милости“), свирепство, зависть, злоба, лжа; публицисты укоряют их даже в „безумии“, в том, что они поступают „безразсудне“, как „несмысленные“. И в этом последнем упреке звучит предупреждение — такое „безразсудство“ даже невыгодно, независимо от всякой моральной оценки поступков, так как может вызвать мятеж.

В другой тональности подобрана лексика, относящаяся к самому крестьянину: она передает сочувствие к „тружающимся безпрестани и стражущим в селех наших“. Они именуются „братия наша убогия“, „убогие“, „бедне поселяны“, „бедные“, „бедные селяне“, „бедные подручники“, „бедне живущие“; „люте мучимые голодом и мразом и всяким озлоблением“, они „во скудости и нищете пребывают“, не едят „ржаного хлеба чиста“, не имеют „соли от последня нищеты“, „изнемогают от тягости трудов“, „в непрестанных потех и трудах“ „терпят в зиме и лете“. Повинности крестьян — „ярмо“, „иго“, „обида“, „мучение“, „мзды неправедныя“, „многа скорбь“. Иных слов публицисты не употребляют, описывая крестьянскую жизнь. Сочувствием окрашенный рассказ о том, как землевладелец „обнажает от имени“ задолжавшего крестьянина, даже его домашних животных именует жалостливо — „коровка и лошадка“.

В этой глубоко эмоциональной окраске эпизодов, повествующих о „всякой неправде“, которая делает невыносимой жизнь зависимого крестьянина, сказывается противоречивое отношение публицистов XVI века — и дворянских, и боярских — к крестьянскому вопросу. И те и другие, выражая интересы своей внутриклассовой группы в борьбе за рабочие руки, толкали правительство на окончательное прикрепление крестьян к владельцу, и в то же время лучшие представители господствующего класса субъективно не могли не сочувствовать „изобиженному“ крестьянскому „миру“.

Так резко охарактеризованная публицистами XVI века эксплуатация землевладельцами крестьян, сводившая на нет даже и те ограниченные права, какие еще предоставлялись им до указа 1581 года „о заповедных годах“, к концу XVI века еще более усилилась.

Есть официальное свидетельство о том, какие последствия вызвал этот закон 1581 года, фактически лишивший крестьян права выхода даже в осенний Юрьев день. Введение к Уложению 9 марта 1607 года о крестьянах и холопах сообщало, что именно после этого указа „началися многие вражды, кромолы и тяжи“, „учинились распри и насилия и многим разорения и убивства смертныя и многие разбои и по путям грабления содеяшася“.¹ Об этих „враждах, кромолах и тяжах“ красноречиво говорят документы времени борьбы монастырских крестьян со своими владельцами.

Характерно, что именно монастырские крестьяне первыми подняли открытые восстания против своих владельцев: все те „насильства“ о которых с глубоким возмущением писал еще Максим Грек, толкнули

¹ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 53.

крестьян на путь ответных действий. Уже осенью 1593 года в Иосифо-Волоколамском монастыре „крестьяне монастырские почели не слушать приказщиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почали делати: хлеба молотити и в монастырь возити, и солодов растити, и даней монастырских давати“. Когда монастырские власти „крестьян за то велели смиряти... и пени на них имати“, те „почели пуши того не слушати, и приказщиков и ключников учели бити и дел монастырских не почели делати и леса монастырские заповедные почели сечи“. Лишь в феврале 1594 года монастырю удалось „крестьян остратити и смирити“.¹

В обстановке таких взаимоотношений крестьян с землевладельцами понятна та ожесточенность, с какой уходившие в отряды Болотникова крестьяне расправлялись на местах со своими помещиками и вотчинниками. Литературное изображение одной из таких расправ, принадлежащее помещику Тульского уезда Иванцу Фуникову, по точности и правдивости подробностей может быть почти приравнено к документу. „За старые шашни“ „тульские воры“, т. е. собственные крестьяне этого помещика, перед уходом с войском Болотникова „вкинули“ его в тюрьму, где он сидел „19 недель“ до подавления восстания Болотникова, здесь пытали, „мазали дважды“ „кнутом“, требуя указать, где спрятан хлеб. Дворянин промолчал, хотя ему „на пытках“ „выломали руки“, „хотели скинуть з башни“. Уходя, „мужики“ „деревню сожгли до кола, рожь ратные пожали“, увели скотину.²

В 1607 году, уже после подавления восстания Болотникова, монастырские власти жаловались на неповиновение крестьян: „Монастырские крестьяне ему, игумену, учинились сильны, наших грамот не слушают, дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят, и монастырского изделия не делают, и ни в чем де его, игумена, з братьею не слушают“. В 1609 году, чиня расправу над крестьянами, старец Феодосий приказал убить крестьянина Никиту Крюкова, причем „живота его статки в монастырь взяли все“, а старец Роман „со многими людьми“, в сопровождении архангельского стрельца, приехал „и у них, крестьян, из изб двери выставляли и печи ломали“. Борьба продолжалась и в 1610—1611 годах; крестьяне, как гласит жалоба монахов, „своим воровством игумена з братьею слушать не учали и двух старцев убили до смерти, и служек побивали и монастырскую казну грабили, и с пашень монастырских хлеб и сено свозили сильно“.³ Так на угнетение и „насилства“ крестьяне отвечали активными действиями.

Во время голода 1601—1603 годов, когда феодалы — одинаково светские и духовные — безудержно спекулировали хлебом, они дошли до того, что не допускали крестьянский хлеб на рынки: „Которые де крестьяне... повезут... своего крестьянского хлеба... и скупщики, зговорясь на многие статьи, выезжают и выходят к ним навстречу по всем дорогам во всякие дни и стоят на тех дорогах версты за 2 за 3 и за 10 и больше, не хотя тех крестьян с хлебом на торг и на ярманку для вольные дешевые продажи пропустити“.⁴

В законе 1 февраля 1606 года, пытавшемся урегулировать вопрос о кабальных холопах, которые пошли в кабалу во время этих голодных 1601—1603 годов, положение крестьян, отдававшихся в кабалу, описано с полной ясностью: „От бедности, не хотя голодной смертью умереть,

¹ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 54—55.

² Там же, стр. 517—519.

³ Н. С. Чаев, ук. соч., стр. 35, 41—43.

⁴ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 61, прим. 5.

бил челом в холопи“, „сшел от бедности и животов у него не было ничего“, „а не от самые бы нужи, в холопи он не пошел“.¹

Разрешение свозить на свои земли крестьян, данное в эти голодные годы, ничего хорошего самим крестьянам не принесло: „бои и грабежи“ во время насильственного удержания при „свозах“, привели к тому, что в 1602 году Годунов вынужден был запретить эти „бои и грабежи“, „продажу“ и „зацепки“ при свозе; он приказал выпускать крестьян „со всеми их животы“ (значит, на самом деле имущество задерживали), не „грабяти“, насильно не задерживать крестьян.²

Таким образом, попытки публицистов XVI века предостеречь землевладельцев и правительство откровенным описанием „тягот“ крестьянской жизни, напомнить, что „скорбные волнения“ могут превратиться в открытые восстания — мятежи закрепощаемых и изнуряемых непосильным гнетом повинностей крестьян и холопов, не дали результатов. Однако в истории литературы великорусской народности эмоциональное изображение „рабочного ига“ крестьян, их тяжелого положения, вызывавшего массовые уходы от землевладельцев („многая множества селян своя рала повергоша, разыдошася“), вкрапленное в деловой текст публицистических произведений, представляет факт немаловажного значения. Эти эпизоды показывают расширение самой тематики и рост реалистических элементов в повествовательной литературе XVI—начала XVII века. Первостепенное значение публицистики для истории общественной мысли этого времени несомненно. Существенную роль сыграли определенные эпизоды этих произведений и в развитии художественных приемов историко-бытовой повести, в изменении литературного языка. Самая тема требовала для своего выражения широкого применения лексики и фразеологии общенародного языка.

В историко-литературном процессе XVI—начала XVII века публицистическая литература, стоящая еще на грани деловой письменности и художественной литературы, сыграла важную роль и тем, что она ввела в литературу, под властным воздействием своеобразных условий классовой борьбы этого времени, новую тему — тему крестьянского труда. Публицистика ставит и общий вопрос о значении крестьянства в жизни государства и обращает внимание читателей на невыносимую тяжесть положения этого важнейшего класса феодального общества. Вопрос о судьбе крестьянства именно как класса с такой остротой поднимается в литературе впервые.

С этого времени активно заявляющий себя в общественно-политической жизни трудовой народ — крестьянство и демократическая часть посада — постепенно занимает свое место в размышлениях писателей о судьбах государства. Когда в XVII веке и в самой демократической среде начала создаваться литература, на смену героям-феодалам и представителям духовенства пришли противопоставленные господствующему классу демократические герои. Они пришли теперь в литературу, как и крестьянство в целом в публицистику XVI века, прямо из жизни, а не через народную сказку или народный эпос, предание, как это наблюдалось по преимуществу в литературе предшествующего периода. На этом пути к демократическому герою литературы XVII века публицистика XVI века с ее интересом к крестьянской теме представляет значительное явление.

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею, т. II. СПб., 1836, № 40.

² Акты... т. II, №№ 23 и 24.